

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV



Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук *Л.Н. Ермоленко*; докт. культурологии *Л.С. Марсадалов*;
канд. ист. наук *Ю.И. Ожередов*; докт. ист. наук *Т.Д. Скрынникова*;
докт. филос. наук *О.М. Хомушко*; докт. ист. наук *Л.И. Шерстова*;
докт. ист. наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная градация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыях в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнева Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

- Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. М., 2001.
Республика Алтай: путеводитель. Тула, 2004.
Супруненко П., Супруненко Ю. Белуха – царица Алтая // Алтай. Туризм: дайджест. Барнаул, 2006.
Srimad Bhagavatam. Translation and Elaborate Purports by His Divine Grace A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. BBT, 1982.

Н.А. Прохорова

*Кыргызско-Российский (Славянский) университет
им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек*

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАК ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Авторитетные исследователи полагают, что курган является наиболее специфичным видом наземного погребального сооружения, характерного для Древнего Кыргызстана (Омуралиев Д.Д., 2003, с. 41). Изучение курганов скифов-саков Евразии началось в XIX в. В начале XX в. уже были известны конструкции могил и особенности погребального обряда древних кочевников. В результате сложился устойчивый стереотип о курганах как о больших кучах земли над могилами скотоводов, охотников, степняков.

Изучение сако-усуньских курганов на территории Кыргызстана было начато В.В. Бартольдом в конце XIX в. (1897 г.). В конце 1930-х гг. М.В. Воеводским и М.П. Грязновым впервые археологическим методом были изучены курганы древних усуней на восточном побережье Ыссык-Келя. В дальнейшем раскопки курганов саков и усуней проводили в Ыссык-Кельской котловине Л.П. Зяблин (1955), Д.Ф. Винник (1982), В.П. Мокрынин (1975), А.К. Абебеков (1978), Л.Р. Кызласов (1972) и др. В 1938 г. в верховьях р. Талас А.Н. Бернштам открыл так называемый Кенкольский могильник. Позже было обнаружено более десятка некрополей древних кочевников – Таш-Башат (I–IV вв. н.э.), Чет-Тобе (I–V вв. н.э.), Котур-Сай (сако-суньское время), Таш-Арык (II в. до н.э., Доон-Тобе (I–V вв. н.э.) и др.

Наибольшее количество сакских курганов обнаружено в Алайской долине и предгорной зоне юго-западной Ферганы. Ю.Д. Баруздин (1954) открыл эталонный памятник катакомбно-подбойной культуры – некрополи (могильники) Кара-Булак и Тура-Таш (I–IV вв. н.э.).

Сако-усуньские курганы Чуйской долины (А. Абетеков) внутреннего Тянь-Шаня (Д. Табалдиев, К. Ташбаева) также дали богатый материал для изучения культуры кочевого населения Древнего Кыргызстана. Древние кочевники (усуни) в Чуйской долине в основном ставили погребальные сооружения на северных склонах Кыргызского Ала-Тоо, возле горных рек в ущельях Джиламыш, Каинды, Сокулук, Кегети, Ала-Арча и др. Курганы здесь образуют цепочки, ориентированные часто по линии север–юг, запад–восток. Диаметр курганов колеблется от 10 до 20 м, при высоте до 1,5 м. Наземную часть кургана усуни в основном укрепляли каменными концентрическими кругами – традиция, продолжалась до IV в.

В конце V в. н.э. основная масса тянь-шаньских кыргызов переселяется в Енисейский край. Здесь кыргызы оставили за собой специфические захоронения, так называемые чаатасы, т.е. «вражеский камень». Над холмиком могил устанавливались камни-ступеньки, а чуть поодаль – каменные изваяния (мамы) – столбы. Археологические исследования позволили установить разновидности чаатасов (Омуралиев Д.Д., 2003, с. 14).

Минусинская котловина («Мин-Суу») – окруженная горами степная территория на среднем Енисее (Хакасия и Красноярский край) – даже сегодня буквально усеяна вертикально вкопанными каменными идолами. Это остатки древних кыргызских курганов с надгробиями. Начало исследованию исчезнувшей культуры кочевников и енисейских кыргызов положил Д. Мессершмит в 1721–1727 гг., затем ряд русских ученых, таких как Н. Мартьянов, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, А.А. Формозов, Ю.С. Худяков и др., составили разнообразную историческую картину культово-погребальных объектов, начиная с бронзового века до средневековья.

В результате археологических работ было установлено, в эпоху железа скифские кочевники начали сооружать огромные по диаметру и высоте искусственные холмы-курганы с вкопанными с четырех сторон каменными, штопанными, вертикальными монолитами. Так, Солбыкский курган (диаметр около 50 м, высота 25–30 м) под насыпью имел настоящий «каменный дом» (квадратный в плане размером 7х7 м), высота каменных монолитов – 3 м. Вертикальные монолиты, установленные в специальной узкой траншее на одном уровне, образовывали своеобразную каменную стену, под монолитами подложено дерево-амортизатор, оберегающий глыбы

от растрескивания. На огороженной площадке обнаружены зольные прослойки от пяти кострищ, заживавшихся при совершении тризны. В центре помещался покойник-вождь, а вокруг – принесенные в жертву жены, рабы, животные. В насыпи прослежены вымостки из бревен, по всей видимости, использованные для затаскивания грунта на вершину холма.

В отличие от енисейских кыргызов, тьянь-шаньские кыргызы ставили у могилы так называемые балбалы, считает А.Н. Бернштам. Балбалы, по его мнению, являются «нарисованным обликом покойного», а количество убитых им врагов отмечали врытыми в землю камнями. Этот обряд начался с эпохи объединения тюркоязычных кочевых народов в VI в.

Погребальный обряд кочевников (саков, усуней, гуннов) выражает идею культа предков. Захоронение предков в землю (поблизости от поселений) могло означать, что они (души умерших) как бы охраняют пастбища, поселения, в целом родовую территорию и способствуют благополучной жизни потомков в данной земле-родине. Поэтому не случайно погребальный обряд и сооружение курганов занимают у кочевников и земледельцев важнейшее место в их жизни. Пространство вокруг курганов расставлено, театрализовано, маркируется на свой и чужой мир. Образ мира корректируется на «квадратуру круга», четырехугольный Отуген в центре мира, о чем свидетельствуют рунические тексты памятников, характер освоения пространства, планировочная структура сооружений. Четырехугольный Отуген в центре мира тюрков трансцендентен к узловым обозначениям (камень, балбал, изваяния и т.п.) курганов, ориентации по странам света, вертикально стоящим каменным изваяниям стражам мира (своего от чужого, враждебного).

В структурном отношении крупные сакские курганы имели земляную насыпь, обходные коридоры, рвы, валы, каменную ограду, жертвенное место, иногда место для разведения огня, каменные идолы и другие элементы; под землей – погребальную камеру с жертвенниками, сооруженными из каменных плит, столбов, перекрытыми бревнами, гробницы, наклонный входной коридор и множество ритуальных предметов.

Такие курганы в пространстве служили вертикальными ориентирами. Кочевники к курганам относились как к особо почитаемым родовым культовым центрам. Строительство «царского кургана» продолжалось несколько лет с привлечением огромной рабо-

чей силы. Историко-культурная ценность изучения курганов состоит в том, что они являются важнейшими материальными источниками, позволяющими «воссоздать» предметный мир, социальную иерархию, строительную и в целом культуру кочевого населения Древнего Кыргызстана.

Саки вошли в историю мировой архитектуры как создатели огромных курганов. Не без основания ученые считают, что «курганы подобны летописям», «это братские могилы народов» (Ю. Шилов), «модель видимого мира, ограниченного кольцом кругозора, выражает идею кругозора кочевника-степняка» (Б. Рыбаков). Изучению курганов Евразии посвящены специальные работы А.А. Бобринского, Б.Ю. Рыбакова, Б.А. Городцева, Д.Я. Самонвасова, А.А. Формозова, М.П. Грязнова, Ю. Шилова и многих других.

Археологи различают курганы-«майданы», отличающиеся вычурной формой в виде животных, таинственных знаков; «курганы с усами»; «курганы-острова» (холмы); «цепь царских курганов» и др.

Символы солнца появляются в самых древних курганах в виде кольцевых кромлехов. А.Н. Бернштам считал, что круглая выкладка кургана из камней (типа кромлех) символизирует Солнце: значит, древние кочевники – саки и усунь – поклонялись солнцу (существовал культ солнца). Кольцо камней вокруг кургана одновременно символизирует форму космоса (вселенной). Зримый образ космоса, небесный миропорядок наиболее концентрированно мог выражаться в геометрической форме погребального сооружения.

Символика солнца и солнечно-зодиакальный календарь впервые появились у древнейших кочевников и материализовались в планировке и форме курганов.

На территории Кыргызстана имеется множество курганных некрополей, составляющих основу культово-мемориальной архитектуры древнего периода. Они, как памятники истории и архитектуры, отражают достигнутый уровень строительства, генезис погребально-культового обряда, а найденные в них материальные элементы свидетельствуют о характере культуры и социальных отношениях в обществе. По сравнению с отдельным курганным сооружением некрополь («могильник») является более сложным пространственным образованием, нередко своеобразным архитектурным ансамблем.

Погребальное архитектурно-строительное дело кочевников развивалось в контексте всей кочевой культуры. Это хорошо можно проследить на некоторых сакских комплексах Тянь-Шаня (История

Киргизской ССР, 1984, с. 153). Вокруг кургана сооружались квадратные каменные оградки, ориентированные по сторонам света и устроенные входами на востоке и западе. Тем самым как бы моделировался путь человека как путь солнца, которое рождается на востоке, движется по куполу небосвода и умирает на западе.

Этнографические и фольклорные материалы помогают раскрыть семантику этого пространственного членения древнего архитектурного комплекса. Так, например, известно, что тор в юрте занимает старший в семье, а место у двери – младшие и «чужие», притом, что юрта устанавливается входом на восток. Значит, по линии В–З были установлены возрастные ориентиры, и линия эта была подвижной, т.е. со смертью старшего происходило продвижение следующих членов семьи с востока на запад.

Точная ориентация в пространстве была очень важна для кочевника, так как в основе его трудовой деятельности лежал динамизм *передвижения*. И части света у него были связаны с понятиями *пути*: восток означал путь вперед; запад, соответственно, назад; юг и север, соответственно, направо и налево. Все эти соответствия четко прослеживаются в жилище номадов – юрте, где левая сторона – женская, а правая – мужская. Вещи в юрте распределялись по назначению – в связи с женскими и мужскими занятиями. В то же время мужская сторона считалась верхней, а женская – нижней.

При сооружении сакских курганов также обыгрывалось представление о верхнем и нижнем мире через понятие «жер-суу (земля–вода)», поскольку часто некрополь (могильник) устраивался вдоль рек. В то же время жер-суу всегда считалась землей предков, т.е. Родиной. Позднее, уже в тюркское время, это же понятие употребляется в рунических памятниках тюрков. Исследуя тюркскую культуру, С.Г. Кляшторный (1977, с. 49) писал: «В пределах ландшафтной схемы йер-суб воспринимается как плоскость, обязательно атрибутируемая вертикалью – сакрализованной горной вершиной (ыдук баш) или целой горной системой...». Искусственно созданные «горы» – курганы, осуществляли эти представления о пространстве Родины, причем сакрализованном пространстве.

В кургане, в погребальной камере, – жилище мертвых, т.е. в опрокинутом мире, – вещи распределены в зеркальном порядке: справа от погребенного посуда (женское), а слева – оружие (мужское).

Курганные ансамбли по расположению курганов в пространстве и их планировочную структуру можно разделить на следующие типы (Насиридинова А.М., 2007, с. 82).

1. *Линейная структура* – наиболее распространенный тип, который часто называется в археологических отчетах курганной цепочкой. Эта структура имеет различные вариации. Курганные сооружения могут располагаться по одной линии либо несколько из них по ориентации вытянуты в одну линию.

2. *Доминантная структура* – один или несколько курганов-доминант, вокруг или в ряду которых скомпонованы все другие объекты. Например: курганные ансамбли Чон-Дебе, у озера Сон-Куль.

3. *Рассредоточенные*, т.е. распределенные по маленьким центрам, или сгруппированные, в итоге составляющие единый ансамбль.

4. *Ковровая структура* – составлена из различных геометрических тел: круг, квадрат, эллипс и т.д.

5. *Симметричные*, где выявлена ось, относительно которой существуют левые, правые стороны.

6. *Центрические* – вокруг относительно крупного кургана скомпонованы периферийные курганы.

7. *Скомбинированные* из нескольких типов планировочных структур.

8. *Хаотичные*, не имеющие каких-либо отчетливых структур.

9. *Полузамкнутая, огороженная структура*, некоторые каменные ограждения и каменные изваяния вокруг курганных ансамблей.

В целом в истории Кыргызстана можно выделить три категории культово-религиозных объектов:

- сакральные (священные) места;
- погребальные сооружения и некрополи;
- религиозно-культурные центры в поселениях.

К первой категории памятников можно отнести наиболее ранние, так называемые «горные храмы-святилища»: Саймалы-Таш, отдельно стоящую скалу в с. Араван, священную гору Сулайман-Тоо в городе Ош и у истоков рек, скал. Сакральностью обладают наскальные изображения, наиболее ранние петроглифы на валунах. В Таласской долине изображения тотемных животных (горных козлов) на скалах известны в ущельях Теке-Таш, Куган-Таш, Кулан, Каракол, Кюркюреси и Урмарал.

Самый известный памятник бронзового века в Кыргызстане Саймалы-Таш («узорчатые камни») датируется историками III тыс. до н. э., расположен на трудно доступном плато Ферганского хребта (3000 м над уровнем моря) у истоков реки Кек-Арт, куда ведут лишь горные тропы. Саймалы-Таш состоит из двух относительно самостоятельных частей (Саймалы-Таш-I и Саймалы-Таш-II), общая протяженность плоскостного каменного образования более 3 км. Для древнего населения Ферганы в высокогорном святилище справляли своеобразные обряды поклонения богам – тотемам, солнечному богу – богу Митре.

Ученые полагают, что Саймалы-Таш в жизни древних кочевников были значительны, как Мекка для верующих мусульман.

Не менее значительным ландшафтно-культурным памятником является Сулайман-Тоо, который еще на рубеже неолита и эпохи бронзы превратился в особо почитаемую культовую гору среди населения Ферганского оазиса. Окружающее равнинное пространство с плодородной почвой представители «чустской культуры» использовали для сельскохозяйственных посевов, поблизости размещались поселения земледельцев и скотоводов. Археологами тщательно изучено так называемое Ошское поселение, террасовидная застройка которого располагалась у восточного подножья горы три тысячи лет тому назад. Сулайман-Тоо – это естественно-ландшафтное образование в виде цельного горного массива конусовидной формы, занимает площадь около 5 га. Эллипсоидная конфигурация скальных вершин (высота 175 м) в виде «горбов верблюда» придает горе выразительный силуэт. Под одной из вершин находится пещера Чильтон хана, имеющая три входа. На пересечении трех коридорных проходов образовано «зальное» пространство, которое, по предположениям исследователей, использовалось в религиозно-культовых целях. Такую же культовую функцию выполняли другие пещеры – Рушан-ункур, Иншар-ункур и Кырк-кыз. Последняя пещера представляет собой единое сводчатое пространство (глубина 12 м, ширина – 10 м) с большим входом высотой до 6 м. С каждой пещерой связаны различные легенды местных жителей.

Наклонная узкая тропинка под названием «Кыл Кепюре» (Волосной мост) серпантинном ведет от подножия к одной из вершин горы, наклонный камень с желобом длиной около 3 м – «Бел-Таш», жертвенная площадка, где желоб служит для стока крови и воды при мытье мяса. На скальных площадках и вокруг горы мест-

ные жители – огнепоклонники – совершали ритуальные шествия, разводили огонь, готовили ритуальную пищу.

Среди рисунков Сулайман-Тоо заслуживает особого внимания схематический план «дома» с квадратными и треугольными помещениями эпохи бронзы. По мнению В.М. Масона и Ю.А. Заднепровского, культовая функция Сулайман-Тоо стала исходной причиной возникновения вокруг горы древнего города Ош, который, в свою очередь, сыграл примечательную роль в культурогенезе Кыргызстана. В позднем средневековье Сулайман-Тоо превратился в одну из мусульманских святынь Среднего востока – «вторая Мекка». Таким образом, священный ореол Сулайман-Тоо занимает в мифо-космогонических представлениях древних жителей Ферганы одно из центральных мест, наряду с культами коня, небосвода, солнца, огня, предков и вождей (История Киргизской ССР, 1984, с. 209).

Космогонический лейтмотив о «коне-солнце-небе» на протяжении эпох остается стержневым в культах народов региона. Об этом свидетельствует наличие божества-лошади у желтых уйгуров, якобы управляющего солнцем и луной. Ассоциация коня с солнцем у евразийских народов имела два аспекта, которые вскрыл Н.Я. Марр: заря-лошадь, т.е. *восходящее солнце*, но с другой стороны, неизбежно, это лошадь – *заходящее солнце*, «символ загробного мира, самой смерти» (Насиридинова А.М., 2007, с. 124). Борьба этих двух коней-антагонистов (черный и светлый) – ипостасей дня и ночи, смерти и жизни – нашла отражение в эпической традиции и погребальных ритуалах народов региона (Ажигали С.Е., 2002, с. 389).

Култ горы непосредственно связан с культом пещеры и камня. Для древних людей Сулайман-Тоо представлялся как сакральный центр мира, «мировая гора», через которую проходит вертикальная ось: на вершине обитают боги, под горою – злые духи, а посередине – человеческий род. Гора как бы соединяет небо и землю, покровительствует людям и защищает от всевозможных бед, поэтому близость к горе как бы обеспечивает им безопасность. Поклонение горе и жертвоприношение духам горы обеспечивали гармонию человека с окружающим миром.

Следует еще отметить комплекс «загадочных» каменно-пространственных образований, расположенных возле г. Чолпон-Ата и с. Курского. Они отличаются от Саймалы-Таш тем, что включают огороженные каменными рядами площадки овальной или прямоугольной формы, курганы саков, могильники древних

тюрков. На выжженной солнцем поверхности камней встречаются изображения горных козлов, людей, астральные знаки. По сравнению с Саймалы-Ташем рассматриваемый памятник более позднего происхождения и, скорее всего, использовался кочевниками как место зимовки. Местность Чолпон-Аты связывают с некогда возникшим в среде древних животноводов культом барана. По местным поверьям, здесь обитает дух Чолпон-Аты – покровителя баранов и домашних животных. Благоприятные природно-климатические условия и ландшафт местности на берегу Иссык-Куля издавна способствовали сохранению и увеличению поголовья домашних животных в суровые зимы. В настоящее время территория с каменно-пространственным образованием на северо-западной стороне г. Чолпон-Аты (площадь около 42 га) – музей под открытым небом.

Весьма характерно для архаического искусства округлая форма так называемого Таш-Тулга, оставленная древними кочевниками-скотоводами у о. Сон-Кель. Из восьми каменных глыб составлен обширный ритуальный очаг, внутри которого, по всей видимости, разводили огонь для приготовления жертвенной пищи. В этом памятнике соединились в единое целое два почитаемых начала – это культ огня и камня. Вокруг «восьмикаменника» в летнее время было удобно организовывать праздники скотоводов, конные состязания джигитов. Своим обособленным расположением на берегу высокогорного озера данный рукотворный памятник мог служить в качестве места сбора и отправления культа скотоводческих племен в летнее время.

Архитектурные конструкции, как оболочки, включают в себя устойчивый, надежный микрокосм номада, включенный в макрокосм, что позволяет создать устойчивость всему существованию. Вышеизложенное определяет необходимость дальнейшего изучения погребально-культового зодчества Кыргызстана с его историческими особенностями, неповторимой культурной спецификой, как историко-культурного феномена, зародившегося в недрах кочевого общества.

Библиографический список

- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. 1.

Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТСб. 1977. М., 1981.

Насиридинова А.М. Сакральная архитектура кочевого мира. Бишкек, 2007.

Омуралиев Д.Д. Краткая история архитектуры Кыргызстана. Бишкек, 2003.

К.Ю. Рахно

Филиал Полтавского государственного педагогического института, г. Опорное

**ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В УКРАИНСКИХ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ О ГОНЧАРАХ
(ОСОБЕННОСТИ АРХАИЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ ПРАЗДНИЧНОГО ВРЕМЕНИ)**

Время, как и другие элементы традиционной модели мира в представлениях украинцев XIX – начала XX в., было неоднородным по своей структуре и качественным признакам. Оно наделялось положительной и отрицательной оценкой, включалось в ритуальную и магическую практику, получало символическую интерпретацию и благодаря этому служило важнейшим культурным инструментом упорядочивания мира и регламентации человеческой жизни. Течение его профанной обыденности прерывалось сакральными промежутками праздников, которые предопределяли и контролировали сакральность годового цикла в целом, согласовывая бытие социума с ритмами Космоса. Их периодичность и аксиологическую ценность определял календарь. Праздник осознавался в традиционной культуре как особая, наделенная определенными характеристиками временная реальность, выпадающая из нормального времени и тесно связанная со временем мифическим, демиургическим.

В данной статье исследуются особенности архаического восприятия праздничного времени на материале украинских мифологических легенд о гончарах. Подобно представителям других архаических профессий – кузнецу, пастуху, – гончар наделялся в народном сознании особой способностью к общению со сверхъестественным. При рассмотрении темпоральных структур в легендах о гончарах сразу заметна их сконцентрированность вокруг опреде-